



НЕВИДИМОЕ ВИЖУ, НЕСЛЫШИМОЕ СЛЫШУ. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА



СПЕЦНАЗ



Сергей Самаров

СВИНЦОВАЯ
ТОЧНОСТЬ



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Свинцовая точность

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Свинцовая точность / С. В. Самаров — «Автор»,
2016 — (Спецназ ГРУ)

Война на Донбассе в самом разгаре. Отставной майор ГРУ Святославов готовит из донецких ополченцев разведывательно-диверсионную группу. Частная военная компания «Волкодав» осуществляет его поддержку. В СБУ уже составлены списки тех, кого нужно ликвидировать в ближайшее время, Святославов – в их числе. Выполнять эту задачу будут люди, которые под руководством инструкторов НАТО прошли обучение в школе «Рарог». Но «волкодавы» опередили противника и атаковали американскую диверсионную школу. Попутно бойцы выяснили, где располагается завод по сборке беспилотников. Уже готов план по его уничтожению, когда становится известно, что в штабе ГРУ действует вражеский агент...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Самаров

Свинцовая точность

© Самаров С., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Пролог

Генерал Службы внешней разведки Трофимов, обычно невозмутимый, как каменная статуя, теперь хмурился. Впрочем, бойцы ЧВК «Волкодав» не раз видели его в самом разном настроении. Такой вот хмуростью, естественной или наигранной, смутить их было ой как сложно.

– Проходите. Присаживайтесь, – распорядился Виктор Иванович, выслушав доклад о прибытии боевой группы.

Сам он занимал стол хозяина кабинета полковника Селиверстова, командира частной военной компании. На этом месте Трофимов чувствовал себя уверенно, как полагается скорее высокому армейскому чину, чем генералу СВР.

Селиверстов сидел в стороне, рядом со своим заместителем полковником Самохваловым. Они как обычно бывало, скорее всего, уже знали, о чем поведет речь генерал Трофимов, но вида не подавали и не делали никаких намеков своим бойцам.

Первым, ближе других к генералу, сел командир боевой группы Сергей Ильич Лесничий, бывший старший лейтенант спецназа ГРУ. Стул для него был поставлен прямо против стола, где сидел Трофимов. Остальные волкодавы расположились вдоль стены, между двумя стальными несгораемыми шкафами.

– Начнем? – Виктор Иванович посмотрел на Селиверстова так, словно спрашивал его разрешения, хотя генералы обычно так не поступают.

Полковник согласно склонил голову.

– Значит, начнем. – В руке у генерала был карандаш, он повернул его в пальцах и постучал тупым концом по стеклу на столе, настойчиво привлекая к себе внимание, хотя все и без того смотрели на него очень внимательно. Волкодавы хорошо знали, что генерал Трофимов обычно появляется на их подмосковной базе тогда, когда хочет обрисовать им в общих чертах главную задачу, которую потом будут прорабатывать спецы из оперативного управления ГРУ со своими смежниками. При условии, конечно, что задание это будет по плечу боевой группе, пусть и малочисленной, но потому и мобильной. Полковник Селиверстов в настоящее время был занят формированием второй группы своих бойцов, но она, по замыслу высокого руководства, должна была взаимодействовать с первой только на занятиях и тренировках и проводить самостоятельные операции.

Генерал поочередно прошелся по лицам всех собравшихся своим тяжелым водянистым взглядом, словно проверял их готовность слушать, и только после этого начал:

– У нас с вами, как всегда, дело сводится к агентурным данным. Вот и сейчас они поступили. Но для начала я позволю себе небольшое вступление. Все вы имеете отношение к спецназу ГРУ, представляете собой некое полузакрытое общество, которое оказывает поддержку своим членам. Раньше, в советские времена, бригады спецназа ГРУ стояли в разных республиках нашей большой страны. После распада СССР вне пределов России осталось шесть отдельных бригад – пять сухопутных и одна флотская. Они отошли к бывшим союзным республикам по условиям разделения страны. Еще четыре бригады были расформированы. Некоторые офицеры уехали в Россию, другие остались служить в тех же местах, только уже другим государствам. Это не считалось нарушением воинского долга. В этих новообразованных странах офицеры принимали новую присягу. При этом власти не требовали с них давать расписку в готовности воевать с Россией. Есть только одно исключение из этого правила – Украина. Такие обязательства заставляли подписывать офицеров Десятой отдельной бригады специального назначения ГРУ, базировавшейся в поселке Первомайский города Старый Крым, расположенного в шестнадцати километрах от Феодосии. Почти все офицеры отказались это делать и были уволены. Они устраивались в новой, не самой сладкой гражданской жизни как уж могли,

не были к ней приспособлены. Как мне говорили, эти люди выдерживали только благодаря знаменитой системе мимикрии, культивируемой в спецназе. Есть такая, Сергей Ильич? – Генерал обратился не к полковнику, представлявшему диверсионное управление ГРУ, а к командиру боевой группы ЧВК «Волкодав», отлично зная, что тот командовал взводом и участвовал в боевых действиях на Северном Кавказе.

– Есть, товарищ генерал. Наши бойцы могут изобразить полностью гражданских людей. Никто со стороны и не подумает, что это прославленный офицер, имеющий полную грудь наград. Они могут затеряться в подземном переходе среди бомжей, выжить на зоне, прослыв там за авторитета, а если надо, то и за последнюю шестерку. Кто-то зовет это мимикрией, а мы – просто умением терпеть, переносить все, что выпадает на нашу долю, от трудного марша до невыносимых жизненных обстоятельств.

– Мы даже службу в ЧВК терпим, – мрачно пошутил заместитель командира группы Иващенко, единственный из всех, кто остался стоять, поскольку стула ему не хватило.

В таком положении Виктор Юрьевич производил приятное впечатление на друзей и союзников и мог бы запугать любого противника. При росте сто девяносто шесть сантиметров он имел плечи почти такой же ширины, мощные и длинные, и узкую талию. Такой фигуре могли бы позавидовать древнегреческие герои. Густые лохматые брови придавали его лицу хмурое выражение. Иногда, наверное, они мешали есть за столом: свешивались в тарелку. К этому надо добавить еще и густой бас. Все это вместе выглядело весьма устрашающе.

Но генерала Трофимова запугать было сложно.

Возможно, он даже шутки умел понимать, поэтому на голос Иващенко не отреагировал и продолжил:

– Вот и терпели офицеры, уволенные в запас. Некоторые устроились в охрану, другие вообще грузчиками долгие годы были. Началась бойня на Северном Кавказе. Их, насколько мне известно, часто пытались завербовать бандиты, но я не знаю случаев, когда это получалось бы. Не слышал о таком. Спецназовцы потихоньку старели, но ждали своего часа. Теперь он пришел. Они имели еще советский опыт войн в разных странах и смогли стать хорошими инструкторами на Донбасе и Луганщине. Сами в бой уже не лезли, возраст не тот, но инструкторами, насколько мне известно, стали хорошими. По крайней мере, эти спецы так готовили диверсионно-разведывательные группы, что противник буквально стонал от их действий. Украинцы пытались выставить против них свои ДРГ и в том числе и подготовленные американцами, но ничего из этого не вышло. У их групп не было инструкторов с таким большим опытом диверсионной работы, как у наших отставников. Короче говоря, наши... вернее сказать, ваши ветераны так сильно насолили тамошним укропам, что в их штабах сейчас прорабатываются некие конкретные меры против некоторых инструкторов. Повторю, это агентурные данные. Широко раскрывать их, не засвечивая источник, я не могу. Сообщаю только главный факт. Мы знаем, что где-то недалеко от фронтовой линии существует школа по подготовке укропских диверсионно-разведывательных групп. Назвали ее старославянским словом, имеющим отношение к гербу Украины, – «Рарог». Это то же самое, что и «Рюрик». Данное слово переводится с западного варианта старославянского языка как «сокол». Изображение этой птицы, пикирующей на добычу, было на гербе многовековой русской великокняжеской, а потом и царской династии Рюриковичей. Украина присвоила себе этот герб и сделала его государственным символом. Состав курсантов сформирован из особо одаренных, как посчитали преподаватели школы, представителей Национальной гвардии Украины. Не знаю, уж какие критерии оказались преобладающими, но конкурс при наборе был большой – четыре с четвертью человека на место. Готовят курсантов, как не трудно догадаться, американские инструкторы, но под контролем СБУ и МВД, которые потом и должны проводить силами ДРГ конкретные операции. Задача этим новым подразделениям будет ставиться конкретная – не пресечь деятельность инструкторов, а похитить их и доставить в Службу безопасности Украины или в МВД с после-

дующей негласной передачей американской стороне. Этот вот последний пункт нас особенно беспокоит. Возможные носители военных тайн не должны попасть в руки нашему потенциальному противнику. Я вам передал список тех наших инструкторов, на которых объявлена охота. Он находится у Георгия Игоревича.

Полковник Селиверстов согласно кивнул.

– Беда в том, – продолжил генерал Трофимов, – что мы не имеем никакого выхода на школу ДРГ «Рарог», не знаем, какие группы когда и где выступают. Более того, нам неизвестно даже, где находится само это заведение. У нас есть только список личностей, представляющих интерес для этих вот «рарогов». Мы в курсе, что список был составлен не в СБУ, а в ЦРУ. Значит, эти люди представляют немалый интерес для вполне определенных американских структур. Мы передали список в ГРУ для анализа. Согласно информации, полученной оттуда, это далеко не все. В помянутом документе перечислены даже не самые сильные инструкторы из тех, которые работают в ополчении. Там есть специалисты, доставившие украинской стороне гораздо больше неприятностей. Но они в этот список по каким-то причинам не вошли. Такая вот избирательность тоже дает нам возможность сделать кое-какие выводы. У ЦРУ есть интерес в определенных людях, имеющих отношение к чему-то конкретному. Пока аналитики ГРУ сообщили нам лишь о том, что все эти люди в разные периоды своей службы были в командировках в Анголе и Никарагуа. Что конкретно интересует матрасников, как вы зовете американцев, сказать трудно. Но я заостряю вопрос на главном. Похищать они намереваются граждан России, к тому же бывших офицеров спецназа ГРУ, которые, скорее всего, когда-то имели доступ к государственной тайне. Поэтому мы никак не должны оставить это дело без самого пристального внимания. Отозвать их отсюда мы не имеем ни права, ни возможности. Они пенсионеры и нам не подчиняются. Значит, мы вынуждены защищать этих людей. Ваше военизированное предприятие является частным. Сам факт его существования не очень-то соответствует закону, но обязать вас выполнять какие-то задания тоже никто не может. Мы имеем право только обратиться к вам с просьбой сделать чрезвычайно сложную работу, дать вам официальный заказ с целью сохранения государственной и военной тайны, носителями которой могут быть отставные офицеры. При минимуме данных – найти и обезвредить противника. В самой категоричной форме в корне напрочь пресечь их деятельность. Хотя есть и несколько попутных поручений, о которых я уже говорил вашему командиру. Георгий Игоревич обещал рассмотреть возможные варианты. На основании прошлого опыта мне остается только надеяться, что совместная деятельность у нас получится продуктивной. Нас особенно беспокоит одна задачка, и мы настаивали бы на ее решении. Здесь, кстати, заложен немалый финансовый интерес. Есть конкретные организации, готовые оплатить ваши услуги по устранению конкурента. Но об этом с вами будет говорить командир.

Генерал Трофимов высказывался обтекаемыми понятиями, но волкодавы прекрасно понимали, чем именно вызван такой вот стиль речи. В Госдуме до сих пор не рассмотрен проект закона о частных военных компаниях. Оказалось, что в настоящее время он имел больше противников, чем сторонников. Поэтому структура под названием «Волкодав» юридически являлась всего лишь обыкновенным охранным предприятием. Закон, регулирующий работу таких, сильно ограничивал деятельность компании. У руководства ЧВК пока еще сохранялась возможность обходить эти препятствия. Тут, разумеется, срабатывало прикрытие, осуществляемое ГРУ. Конфликтов и скандалов до поры до времени не возникало, но кто знает, куда могут влезть всякого рода правозащитники, как они себя называют, и какие документы могут попасть им в руки. Поэтому генерал Трофимов был так аккуратен в своих высказываниях.

Аркадию Валерьевичу Святослаову, майору запаса, после стольких лет расслабленной и ленивой гражданской жизни было очень сложно втягиваться в прежний армейский ритм,

особенно поначалу. Но не в его характере было отправлять группу в марш-бросок на десять километров, а самому оставаться на базе и ждать возвращения курсантов. Он бежал вместе с ними, молодыми парнями. Почти все они в недалеком прошлом были спортсменами, некурящими и непьющими. Людей, подверженных этим порокам, отставной майор к себе не брал.

В первые недели занятий у него не хватало сил на ежедневный утренний марш-бросок. Аркадий Валерьевич просто заставлял себя бежать. Выручал его только характер человека, не умеющего сдаваться. Он скрипел зубами от злости из-за своего желания отменить выход группы, назначить какие-то не столь выматывающие занятия, например по стрельбе. Или вообще по снайперской подготовке, которые проводил отдельный инструктор.

Но силы воли все же хватало. Святославов выводил парней за ворота школы, возглавлял группу и сам устанавливал темп бега, причем настолько высокий, что вчерашние спортсмены удивлялись. Они рассчитывали, что их инструктор в силу своего возраста первым сдохнет и сойдет с дистанции. Но он преодолевал слабость, заставлял себя бежать даже тогда, когда ноги уже были ватными и плохо слушались. Все это отставной майор делал так, что со стороны не было заметно его усталости. Иначе он не добился бы авторитета среди курсантов.

Этот момент имел первейшее значение в подобной подготовке. Курсанты должны были быть уверены в том, что их учит не человек со стороны, начитавшийся учебников, а самый настоящий диверсант, все знающий и умеющий.

Мешал, конечно, возраст. Очень даже. Особенно заметно это сказывалось во время занятий по рукопашному бою. Святославов все видел, хорошо знал, что следует сделать, но не успевал. Он опаздывал на какую-то долю секунды и прекрасно понимал, что в боевой обстановке этот момент запросто может оказаться губительным.

Его выручал только опыт, который научил его в ситуациях, когда он не успевал, навязывать противнику так называемый темповой бой. Суть его сводится к использованию давно отработанных систем защиты и нанесения ударов, когда одно действие следует из предыдущего без перерыва и является его прямым продолжением. Такая методика позволяет не дать противнику возможности подготовиться, осмыслить то, что происходит, противопоставить твоим действиям какой-то собственный план.

Для Святославова весь вопрос при этом упирался только в наличие физических возможностей, выносливости. Она, как правило, начинает покидать человека после тридцати пяти лет. Так считают ученые, занимающиеся этим вопросом. Как-никак, а Святославова уже стукнуло пятьдесят шесть лет. Он был самую малость, всего-то на три десятка годков старше почти всех курсантов его группы.

Однако характер Аркадия Валерьевича воспитывался двумя с лишним десятилетиями службы. У курсантов же он только-только начал формироваться по-настоящему, хотя они и проходили армейскую службу, пусть не в спецназе ГРУ и вообще не в Российской армии.

Поэтому самому Аркадию Валерьевичу временами казалось, что он моложе некоторых своих учеников. Особенно это стало ощущаться через год работы инструктором, когда Святославов еще не обрел своей прежней боевой формы, но уже перестал так остро ощущать усталость во время занятий. Он, что называется, втянулся в ритм, который опять стал для него привычным и естественным.

Но та требовательность, которую Аркадий Валерьевич предъявлял к себе, позволяла ему точно так же относиться и к курсантам. Подготовив группу и отправив ее на контрольное задание, он был уверен в своих парнях. Конечно, он волновался, когда уходила первая тройка, потом вторая и третья. Но со временем это чувство отступило, сменилось уверенностью.

Первая же группа провела вполне успешную операцию. Она скрытно подобралась к позициям укрепов, сняла часовых, прошла через передний край, где солдаты просто спали, добралась до штаба, уничтожила там пьяного дежурного, вскрыла кабинеты, собрала документацию, а сам штаб подожгла. На обратном пути были заминированы ящики с боеприпасами на двух

минометных и одной артиллерийской батареях, что привело к их уничтожению вместе с личным составом. Всего трое бойцов разведывательно-диверсионной группы за ночь нанесли противнику больший урон, чем боевые действия, проводимые значительными силами в течение недели.

Командование вошло во вкус, оценило возможности качественно подготовленных малых групп. Тем более что все трое разведчиков, или диверсантов, называйте как хотите, вернулись к себе без единой царапины.

В тыл противника были срочно отправлены еще две группы. Одна из них смогла захватить в плен и доставить на свою территорию целый пьяный штаб украинского батальона во главе с командиром. Вторая угнала реактивную установку залпового огня «Град» и транспортную машину с комплектом стеллажей, заполненных снарядами для этой милой штуквины.

Следующим утром противник начал традиционный обстрел жилых кварталов. На сей раз он получил в ответ мощный удар из своего же «Града», выставленного на передовую позицию.

Деятельность разведывательно-диверсионных групп, подготовленных майором в отставке Святославовым, была отмечена приказом. А сам Аркадий Валерьевич уже набрал новый курс – еще девятерых парней, чтобы подготовить три дополнительные группы.

С ним все шло практически так же, как и с первым. С той только разницей, что сам Святославов за пять месяцев работы уже неплохо вошел в боевую форму. Он уже не скрипел зубами по утрам, когда требовалось проводить обязательный марш-бросок.

Но вопросы у новой группы были точно такие же, как и у прежней. Главный из них был поднят, как и полагалось, когда Святославов дождался дождя и заставил курсантов ползком преодолевать двухкилометровую дистанцию по позапрошлогодней пашне за неимением свежей. Недоумение парней сводилось к тому, зачем нужны такие тренировки.

Это был обязательный вопрос. Аркадий Валерьевич привык отвечать на него еще тогда, когда командовал солдатами в Советской армии. Те ребята тоже не особенно любили червяками ползать по грязи. Причем не только по пашне, но и вообще. Бойцы считали это занятие необязательным и чуть ли не бесполезным.

Святославов пригласил выпускников первого состава, чтобы они рассказали теперешним курсантам о том, как выполняли свои задания. Все три группы добирались до позиций укропов ползком и потому не были замечены противником. Точно так же они подбирались к часовым, которые их не видели и не слышали.

Парни из действующих диверсионно-разведывательных групп были благодарны отставному майору за то, что он заставлял их много ползать. В основном это умение и помогало им добиваться успеха. В Советской армии примерно то же самое рассказывали молодым солдатам старослужащие.

Но убеждаться в полной правоте своего командира курсанты начали тогда, когда он стал обучать их ползать бесшумно. Они отрабатывали такое передвижение двумя группами против третьей, стоящей на посту и заведомо ждущей нападения. Когда у них стало получаться, курсанты сразу поняли, что умение ползать несравненно важнее навыков рукопашки, которую, как и полагается настоящим мужчинам, они любили больше других дисциплин.

Большой интерес у курсантов вызывали занятия с нетрадиционными видами оружия. Так называлось все то, что может попасться тебе под руку в любой момент. Например, самая обыкновенная авторучка. Только к концу курса бойцы научились из положения «лежа на спине» метать ее так, чтобы она попадала чучелу часового точно в глаз.

Интерес курсантов вызывала работа с удавкой. Они учились не только правильно набрасывать ее на шею врага и затягивать, но и хранить. Это дело было простым и необходимым, особенно в случае провала и пленения.

Брался кусок обычного металлического троса и расплетался. Одна нить вставлялась в боковой шов на штанах. При необходимости тонкую, совершенно незаметную сталистую проволоку легко было вытащить оттуда.

Но это еще не все. Удавке требовались рукоятки, чтобы не разрезать себе пальцы. Для этого в подошве берцов делались два отверстия. Тонкое длинное сверло для металла легко справлялось с резиной подошвы. Потом в эти дырки вставлялись гвозди. Их шляпки, замазанные грязью и пылью, уже на следующий день были невидимыми.

Но и эти гвозди предварительно подготавливались. Один из них расковывался и затачивался под отвертку, второй – под короткий и острый нож с пилкой по обуху лезвия. В рейде по чужой территории все это очень даже могло сгодиться.

Так и случилось с одной из групп второго выпуска. При выполнении задания парни попали в засаду. Один боец был ранен. Двое прикрывали его отход, дали ему уйти, а сами попали в лапы к национальным гвардейцам, известным своими пристрастиями к издевательствам над пленными.

Укропы закрыли ребят в погребке под старой церковью. Там они успели подготовиться. Связанными руками вытащили из подошв друг у друга гвозди, заточенные под ножи, разрезали веревки, подготовили удавки. Скоро дверь со скрипом открылась.

– Эй, ватники, где вы тут?

Один из разведчиков громко застонал и даже чуть не заплакал, привлекая к себе внимание врагов, расслабляя их. Да, чужая боль всегда расслабляет. Отставной майор Святославов накрепко вдолбил этот любопытный факт в головы своих курсантов.

– Да он никак раненый? – пробубнил один из национальных гвардейцев.

– Нехай радуется, что живой, – ответил другой. – Но это ненадолго.

Луч фонарика осветил пологую лестницу и четверых подвыпивших бравых хлопцев, которые спустились в подвал. Разведчики спокойно, без лишних слов встретили дорогих гостей, пришедших за ними и не ожидавших никакого сопротивления от крепко связанных пленников.

Воспитанники Святославова действовали быстро и решительно. Гвоздь, правильно заточенный, сам по себе серьезное оружие. Он легко пробивает сонную артерию. С живым человеком работать даже проще, чем с тренировочным манекеном.

Троих национальных гвардейцев диверсанты уложили сразу, одного захватили живым. Парни набросили ему на шею удавку, потом парой ударов по выступающим скулам уговорили его не суетиться и не скулить щенком, которому танк придавил лапы. После этого они очень вежливо попросили укропа проводить их до выхода из лагеря, да так, чтобы не встретиться с внутренним караулом. Без него возможность нарваться на крутые неприятности была очень даже велика.

Пленник, как ни странно, сильно хотел жить и вынужден был поверить честному слову разведчиков. С петель на шее и стволом автомата, уткнувшимся ему в позвоночник, он сам предложил безопасный и сравнительно легкий маршрут, вывел бывших пленников к гаражу своего батальона, где был только один часовой у внутренних ворот.

Этот бдительный воин спал и не успел проснуться. Гвоздь так и остался торчать у него в шее.

Пленник даже показал, где в гаражной каптерке висят на фанерной доске ключи от машин батальона. Под каждым из них химическим карандашом был написан номер автомобиля.

Недолго подумав, разведчики выбрали «КамАЗ», который стоял совсем рядом с воротами. Гараж они, разумеется, подожгли вместе с машинами. Ворота, естественно, не выдержали мощного удара тяжелого грузовика.

Уже через полтора часа разведчики, чуть задержавшиеся на своем блокпосту, были в батальоне и докладывали начальнику разведки о своих злоключениях.

– Что я могу сказать? – Начальник разведки широко улыбнулся. – Хороших ватников нам в учебке готовят. А учитель ваш, он не простой ватник, а, я бы так сказал, позолоченный.

На следующий день комбат Ржавый вместе с начальником разведки навестили Святославова на базе. На глазах новой группы, уже третьего набора, они торжественно вручили Аркадию Валерьевичу награду, которую в батальоне подготовили за ночь, – офицерский бушлат с подкладкой из ткани золотистого цвета.

Так отставной майор Советской армии и получил вполне официальное прозвище Позолоченный ватник.

Эта новость непонятно какими путями дошла и до укропов. Помянутое прозвище фигурировало даже в документах СБУ. Оно ставилось в них рядом с фамилией отставного майора и его именем-отчеством. Да, у укропов разведка тоже работала.

Но она активно действовала и у ополчения. Святославов коротко поговорил с двумя парнями из ДРГ. Третий, раненый, отход которого товарищи прикрывали, когда угодили в плен, был сразу по возвращении отправлен в госпиталь.

После этого отставной майор и высказал комбату свое несколько не радостное предположение:

– Где-то у вас в штабе крот закопался. Разведчики говорят, что на всем их маршруте было только одно место, удобное для засады. Именно там парней и встретили. Они ведь специально этот маршрут выбирали, считали его самым безопасным. Стало быть, нацики точно знали маршрут и время прохождения тройки. Нужно проверить всех, кто у вас имел доступ к материалам по подготовке операции.

– Нас таких немного, только семь человек, – сказал комбат. – Надеюсь, что я и начальник разведки вне подозрений. Из остальных пяти двое знали все и о первых операциях, когда другие группы выходили. Но те проблем не имели. Надо троих проверять. Но как? Обижать никого не хочется.

– Я не контрразведчик, – заявил Позолоченный ватник и пожал плечами, показывая, что ловить кротов не его дело.

– А я вообще шахтер, – ответил комбат. – Тоже своего рода крот. Но найти поганца в штабе требуется срочно. К нам гости из России намечаются. Думаю, что вскоре. Где-то через неделю. До этого надо с кротом покончить, если он есть.

– Что за гости? – поинтересовался Аркадий Валерьевич.

– Какая-то частная военная компания. Кажется, «Волкодав» называется.

– Волкодавами всех спецназовцев зовут. Те разведчики, которых я готовлю, по большому счету пока еще всего лишь собачки-болоночки. Срок подготовки, конечно, маловат – всего пять месяцев. Настоящими волкодавами они станут после нескольких рейдов по тылам укропов. А ты, комбат, думай про крота. Это дело серьезное.

Глава 1

Лето было дождливым, зато осень стояла теплая.

Полковник Селиверстов даже шутил:

– Я за весь год практически ни разу не искупался. Только девятнадцатого января, аккуратно на Крещение. Да и то в проруби. Прежде погода не позволяла. Сейчас и жарко вроде бы, а все равно не сезон. Хотя я человек, можно сказать, водоплавающий. Люблю побарахтаться.

По причине осенней жары полковнику в кабинет привезли вентилятор, который поднимал легкий шелестящий ветерок, похожий на морской, и перебирал бумаги, лежащие на столе. Но этот ветерок почему-то не приносил в кабинет свежести, прохлады и запаха воды.

– Как занятия идут? – поинтересовался полковник. – Новую технику осваиваете?

Командир боевой группы волкодавов встал по стойке «смирно».

– Так точно, товарищ полковник. Я постоянно смотрю за их тренировками. Молодцы! Поставили себе минимальные по размеру макеты, активно занимаются. Оба расчета уже стреляют почти без промахов.

– А должны работать лучше профессиональных минометчиков! В войсках в расчет входят сержант и солдат, а у нас – два офицера. Пусть и бывших.

Полковник Селиверстов явно пребывал не в самом лучшем настроении. Удивляться здесь было нечему. Операция должна была уже вступить в стадию детальной проработки, а никаких сведений, необходимых для этого, добыть пока не удалось. Хорошо хоть, что имелся фактический материал по второй части задачи, но она должна была являться только продолжением первой.

– Сержанта и солдата готовят полгода, прежде чем в бой выпускают. А у нас только третий день стрельб идет.

– Офицеры в любом случае должны быть подготовлены лучше солдат. Полгода на обучение нам никто не даст. Да вы же все, насколько я знаю, умеете хоть как-то обращаться с минометом. Значит, учиться дальше вам не так трудно.

Сергей Ильич пожал плечами и заявил:

– Что с того толку, товарищ полковник? Главное в этом деле – не выстрелить, а попасть в цель. У нас ведь ситуация какая. Если мина взрывается рядом с целью, то это уже значит, что не попал. А у боевых расчетов такой же выстрел считается успешным, поскольку поражающие элементы попадают в мишень. Новые мины когда привезут?

– Обещали завтра. Но только пару штук, чтобы вы знали, что это такое. С собой вам, точно говорю, целую машину боеприпасов не дадут, даже не надейся.

– Я и на половину машины согласен, товарищ полковник, – хмуро ответил Лесничий.

– Если десяток штук успеют подготовить, это будет хорошо. Учти, собирают их вручную. Автоматическая линия на сегодняшний день существует только в чертежах. Есть отдельные станки. Даже разработка велась второпях, наспех. С минометами проще, чем с этими вот боеприпасами к ним.

Разговор шел о бесшумных восьмидесятидвухмиллиметровых минометах 2Б25 «Галл». Они выгодно отличаются от модели 2Б14 «Поднос» того же калибра двумя очень важными чертами.

Первая – бесшумность выстрела «Галла». Она достигается применением специальной бесшумной мины осколочного действия ЗВО35Е, имеющей оперение, которое застревает в стволе и перекрывает выход пороховых газов. В результате выстрел получается ничуть не более громким, чем из автомата Калашникова с глушителем.

Вторая черта – масса оружия. Если «Поднос» весит сорок два килограмма и перевозится обычно на машине, как правило, на «УАЗе» со снятым тентом, то «Галл» – всего три-

надцать. Он легко транспортируется на плече командира расчета. Второй номер может нагнаться опорной плитой и минами.

Конечно, «Поднос», имеющий достаточно длинный ствол, может стрелять на довольно солидную дистанцию. При использовании специальных дальнобойных мин она достигает почти четырех километров. У «Галла» этот показатель намного скромнее – тысяча двести метров. Но бесшумность выстрелов того стоит.

Стрельбу из «Галла» без специальных приборов и радиолокационных станций с особой спецификацией, которых в украинской армии никогда не было, определить несравненно сложнее, чем из «Подноса». А сейчас оружейники предложили боевой группе ЧВК «Волкодав» испытать новую мину, имеющую термобарический заряд. На открытом месте она накрывает сто двадцать квадратных метров поверхности. В помещении, ограниченном стенами, объем поражения составляет сто восемьдесят кубических метров. Температура в этой зоне поднимается до трех с лишним тысяч градусов. Ничто живое не может выдержать такого даже при кратковременном воздействии. За те пять-семь секунд, пока идет горение, металл оплавляється и корежится.

Если сам беззвучный миномет «Галл» стоит на вооружении Российской армии уже достаточно давно, с две тысячи одиннадцатого года, то мин с термобарическим зарядом для него прежде не существовало. Делать их начали специально для операции, которую высокое командование планировало провести силами ЧВК «Волкодав». Такое испытание в условиях реального боя могло бы дать толчок для потокового производства таких мин.

Сперва большие начальники планировали использовать в операции обычные одноразовые огнеметы «Шмель». Но потом они пришли к выводу, что такая атака будет слишком заметной. Она может чересчур четко обозначить те задачи, которые должны были решить волкодавы. На том участке противостояния ополченцы ни разу не применяли огнемет. Его неожиданное появление могло направить мысль аналитиков из СБУ и ЦРУ на то, что эта атака не случайная, она имеет какие-то конкретные цели. Они, разумеется, тщательно маскировались.

– Наверное, сразу использовать новые мины не следует. Сначала отработаем взаимодействие с беспилотниками-дронами, – предположил командир боевой группы.

– Их привезут уже сегодня. Завтра с утра можете приступать к изучению. Кто будет с ними работать?

– Иващенко и Суматоха. Они уже знакомы с аналогами. Все мы в той или иной степени с ними работали. Но только они делали это в боевой обстановке. Пусть и в этот раз потрудятся. Разница, как я понимаю, небольшая. У меня, кстати, и людей больше нет. Остальные осваивают минометы.

– Суматоха чем сейчас занимается?

– Сегодня всю ночь сидел в классе за компьютером. Все ищет. Обычно добывает что-то полезное.

– Пока без результата?

– Был бы таковой, я бы доложил сразу, товарищ полковник.

Разговор шел о практически штатном компьютерщике боевой группы, бывшем лейтенанте спецназа ГРУ Егоре Петровиче Суматохе. Он с удовольствием исполнял функции хакера и перед каждой операцией собирал информацию, необходимую для ее проведения.

Сейчас волкодавам катастрофически не хватало именно реальных фактов. Пока они знали только одно: Служба безопасности Украины готовится силами выпускников своей школы диверсантов «Рарог» отыскать и похитить несколько отставных офицеров Российской армии, работающих в республиках Новороссии в качестве инструкторов.

Список, переданный Селиверстову генералом Трофимовым, состоял из одиннадцати фамилий, с указанием места, в котором эти офицеры служат. Охранять всех волкодавы возможности не имели. Да и основную свою задачу они видели не в этом.

Требовалось выяснить, в какой очередности будет обрабатываться этот список. Здесь было три самых вероятных варианта. Первый – по алфавиту. Второй – по месту нахождения самой школы «Рарог». В этом случае укропы начнут с места, которое к ним ближе. Третий – по степени вреда, нанесенного каждым конкретным инструктором, точнее сказать, его воспитанниками.

Начальники посоветовались и решили, что последний, третий вариант, пожалуй, является особенно реальным. Второй тоже был вполне вероятен, но его пришлось отложить, поскольку никаких данных по поводу школы «Рарог» у российской стороны, как и у новороссийской, не было. А ломать голову над тем, что неизвестно, не стоило.

Значит, аналитикам предстояло вычислить того человека, с которого противник и начнет свою работу. Запрашивать штабы ополчения – это долго. Вдобавок их сведения могут не вполне соответствовать действительности.

Причина в том, что учебки располагались в разных воинских частях. Характеристику инструктору по его делам могли дать только их командиры батальона. Ясно, что каждый комбат будет хвалить своего инструктора, даже иногда завышать его педагогические и боевые способности.

Значит, волкодавам предстояло работать только над третьим вариантом. Что же касается второго, то командование ополчения просто предупредило командиров батальонов, имеющих свои учебки, в которых готовились ДРГ, о вполне возможной попытке нападения на инструкторов.

Итак, работа с третьим вариантом продолжалась. У руководителей «Волкодава» появились на свет планы, которые совмещались с предложениями СВР.

– Разрешите идти, товарищ полковник? – спросил Лесничий.

Ответить Селиверстов не успел. В дверь постучали.

– Это Суматоха. Подожди.

Сергей Ильич не спросил, откуда полковник знает, кто пришел, потому что сам видел в окно, как хакер пересекал двор и приближался к штабному корпусу. Все оказалось правильно. Суматоха вошел после приглашения, держа в руке лист бумаги, с которым Лесничий и видел его на дорожке во дворе. Выражение лица этого умника, обычно сосредоточенное и хитрое, в этот раз было даже слегка торжественным.

– Никак что-то хорошее хочет сообщить, товарищ полковник. – Эту информацию Лесничий прочитал в глазах своего подчиненного.

– Так точно, – подтвердил Суматоха.

– Присаживайся, – предложил Селиверстов, как обычно, избегая в разговорах с волкодавами формулировки «садись», которую они воспринимали не всегда адекватно, поскольку все были вытаснены из-за тюремной решетки. – Докладывай. Что хорошее желаешь сообщить?

– Долго мне пришлось копаться, товарищ полковник. Как в засаде сидел. Да, честно говоря, это, наверное, она и была, хотя и виртуальная. Хотел уже бросить это дело, но наконец-то нашел. Сразу три хакера из СБУ проявили повышенный интерес к одному из бывших офицеров спецназа ГРУ. Он, кстати, фигурирует в списке. Это майор в отставке Аркадий Валерьевич Святославов по прозвищу Позолоченный ватник. Он является единственным инструктором в учебке у комбата по прозвищу Ржавый.

– Есть в ополчении такой человек, – сообщил Лесничий. – Я слышал про него, когда с другими комбатами общался. Он, кстати, на неплохом счету у командования. Да и у укропов тоже. Только с обратной стороны. Они откровенно побаиваются его, считают очень хитрым.

– Я предполагаю, что материалы на Святославова собирались не случайно. Кстати, один из хакеров СБУ пытался найти какие-то сведения о нем в ГРУ. В сервер его запустили, но там контролировали. Надо узнать у разведчиков, чем он интересовался конкретно. По моим пред-

положениям, хакер должен был искать теперешние связи Святославова и ГРУ. Что-то важное посмотреть ему, естественно, не позволили. Тем не менее есть некоторые опасения...

– Какие именно? – спросил полковник.

– Я один просто физически не в состоянии отследить всех хакеров СБУ. Если бы они передо мной в поле бегали, тогда другое дело. Но эти ребята на разных IP-адресах сидят. Нет никакой гарантии, что все они будут выходить в Интернет с сервера самой СБУ. Эти хлопцы могут какими-то путями найти домашний адрес Святославова и воздействовать на него через семью. Скажем, вариант с заложниками. Это будет вполне в духе СБУ. Воевать с женщинами и детьми куда легче, чем с вооруженными мужчи нами. Мы с такими случаями уже встречались.

– Понятно. – Полковник Селиверстов откинулся на спинку кресла. – Значит, помощь нужна. Что от меня требуется?

Суматоха положил на стол перед полковником лист бумаги, принесенный с собой.

– Я здесь распечатал все данные для контроля. Специалисты поймут, что нужно сделать. Если можно, передайте вместе с просьбой о помощи. Здесь IP-адреса тех хакеров, которых я отследил, и парня, замеченного сотрудниками ГРУ. Они наверняка и сейчас его контролируют. Здесь же пароли для выхода на сервер СБУ и несколько внутренних. Специалисты разберутся.

– Можно ли все это передать по факсу или сканом, чтобы самому не ездить? – спросил Георгий Игоревич. – Я как раз жду доставки тех самых дронов для вашей группы, о которых шел разговор.

– Если перехватят по открытой связи и поймут, что это такое, то мы расшифруем номер своего факса. По нему нетрудно и дислокацию вычислить. Я бы с этим справился. Рискованно это, лучше передать из рук в руки. Или же шифротелеграммой.

– Насколько это все срочно?

– Я уже сутки не ложился, старался все это раздобыть. Работать по Святославова укропы могут начать в любую минуту. У нас нет никакой гарантии, что они будут откладывать свои действия и дожидаться нашего шевеления. Чем быстрее передадите, товарищ полковник, тем, мне кажется, лучше и безопаснее будет для семьи майора Святославова.

– Да, согласен. Предупредить насчет возможного давления через семью тоже следует. Пусть ей охрану выделяют. – Полковник встал. – Я, пожалуй, поеду, лично поговорю. В шифротелеграмме все не объяснишь. А дело, как мне видится, действительно срочное. Сергей Ильич, тебе дроны принимать, когда привезут. С ними прибудет специалист первичного обучения. Сразу начинайте работать. Если возникнут вопросы, решай их самостоятельно. В крайнем случае звони мне.

– Понял, товарищ полковник. Приму и обеспечу.

Обещанные дроны прибыли через час. Они находились в простом «дипломате», где умещались без всяких проблем. Доставку беспилотников обеспечивала вооруженная охрана. Этот факт уже говорил о многом. Да уж, это не какая-нибудь там инкассация.

Размер получаемых аппаратов никого не смутил. В принципе Сергей Ильич заранее знал, что эти миниатюрные беспилотники взлетают с ладони, на нее же садятся. Значит, они и должны быть такими вот крохотными.

Человек в гражданском, представившийся Олегом Константиновичем, выложил на стол полковника Селиверстова две коробки, похожие на те, в каких хранятся детские игрушки. Надпись на упаковке – PD-100 Black Hornet – сама по себе ничего не сказала бы непосвященному человеку, если бы не изображение. На этой картинке четырехвинтовой беспилотный летательный аппарат вертолетного типа завис над письменным столом.

Место Селиверстова временно занял полковник Самохвалов. Он перевернул одну коробку так, чтобы рассмотреть изображение, но поднимать ее не стал. Против Самохвалова

сидел Сергей Ильич Лесничий. Над его плечом протянулась длинная и тяжелая рука Иващенко, поднявшая вторую коробку, чтобы рассмотреть ее и показать Суматохе.

Иващенко и Суматоху Лесничий вызвал сразу, как только ему позвонили с КПП и сообщили, что пришла машина с грузом для группы. Им и предстояло работать с беспилотниками.

– Я бы попросил до инструктажа не начинать испытания, – сказал Олег Константинович мягко, но твердо и покосился на большие ладони Иващенко.

На одной из них запросто поместилась бы пара винтокрылых машин и куда более крупного размера. Но Олега Константиновича смущало не это, а пальцы Виктора Юрьевича, похожие на крепкие сучья, которые можно использовать вместо дубинки. Специалист первичного обучения опасался, что дрон в таких пальцах будет просто смят в лепешку по неосторожности.

Самохвалов отодвинул коробку от себя. Иващенко вернул вторую на то же место, где она лежала, и даже угол ее поправил, чтобы все было по-прежнему, как изначально.

– Инструктаж кто будет проводить? – спросил Лесничий.

– Я официально называюсь специалистом первичного обучения, поэтому его и проведу, – сообщил Олег Константинович. – Просто в настоящее время у нас не оказалось свободных людей, потому доставка была поручена мне же. Сразу скажу, что эти птички норвежского производства. В настоящее время таковые уже стоят на вооружении сил специальных операций Корпуса морской пехоты США. Эта поставка была завершена до того, как дроны начали поступать в норвежскую армию. Частному предприятию, которое делает эти штуки, срочно нужны были деньги на разворачивание серийного производства. Потому первые образцы пошли в США и в свободную продажу. Норвежская армия не в состоянии платить те же суммы, что и американская. Я привез вам экземпляры, купленные не в Норвегии, а в США. У нас в лаборатории есть два экземпляра из Норвегии. Там то же самое, только упаковка разнится. Итак, кто у вас будет оператором?

Лесничий дважды показал большим пальцем себе за плечо. Мол, вот эти ребята.

После чего он тем же пальцем ткнул себя в грудь и сказал:

– Я как командир должен в любой момент заменить каждого из них.

– Понятно. Итак, я начинаю. Норвежцам удалось сделать весьма миниатюрную модель. Она и летает достаточно долго, аж двадцать пять минут, и умудряется при этом нести в своем теле передающий модуль, сигналы которого вы можете выводить на монитор пульта управления или любого компьютера. Пульт подсоединяется к нему посредством USB-интерфейса. Ради размещения этого модуля пришлось пожертвовать GPS-навигацией, и управлять дроном приходится только вручную. То есть в отличие от более крупных моделей он не в состоянии вылетать по маршруту, заранее вложенному в его программу, и потом самостоятельно возвращаться.

– Это не самый большой недостаток, – заметил Сергей Ильич. – По крайней мере, для решения наших задач такой вариант вполне подходит.

– Еще очень важная деталь, – продолжил Олег Константинович. – Дрон имеет электрический двигатель с подзаряжаемым аккумулятором. То есть в отличие от беспилотников с двигателями внутреннего сгорания он совершенно неслышен. Да и размеры имеет такие, что заметить его в высоте сложно. Особенно в темное время суток. А три камеры аппарата нормально действуют и в ночном режиме. Вы уже имели опыт работы с дронами?

– Да, имели и обучение проходили.

– Тогда, если нет вопросов, будем пробовать.

– Будем, – сказал Суматоха и взял со стула свой ноутбук. – Системы управления джойстика после подключения к компьютеру отрубаются автоматически? – осведомился он.

– Нет. Так сделано специально, потому что некоторым операторам удобнее пользоваться джойстиком, чем клавиатурой.

– Да, с джойстика управлять легче, – проговорил Суматоха.

– Так, вопросов нет?

– Есть. Может ли этот дрон нести какую-то нагрузку? – поинтересовался Иващенко. – Например, дистанционно управляемое оружие. Или гранату.

– Извините. – Олег Константинович вскрыл коробку и вытащил из нее то, что в ней находилось.

Даже в не самых крупных руках специалиста первичного обучения беспилотник выглядел настолько мелким и хрупким, что своим видом отвечал на вопрос заместителя командира боевой группы.

– Размеры какие? – спросил полковник Самохвалов.

– Шестнадцать сантиметров между кончиками винтов.

Помянутые винты выглядели настолько маленькими, что волкодавам казалось, будто они не смогут поднять в воздух и понести даже эту хрупкую конструкцию.

– Я слышал, что на Украине началось производство таких дронов. Это верно? – задал вопрос полковник Самохвалов.

– Да, началось, – как-то почти радостно сообщил Олег Константинович. – Украинцы намеревались наладить выпуск беспилотников специально для войск, участвующих в так называемой АТО. Американцы расщедрились, закупили и передали укропам патент на производство, даже специальное оборудование, создали полугодовой запас комплектующих. Но при этом заморские покровители настояли на одном условии. Предприятие должно находиться в непосредственной близости от района боевых действий. Американцы хорошо понимали, что если производство расположить, допустим, где-нибудь в Западной Украине, то до района АТО ни один дрон не доберется. – Олег Константинович весело заулыбался.

– Что?.. – спросил Лесничий.

– Тут же выяснилось, что американцы все-таки недостаточно хорошо знают наших ближайших соседей. Первая готовая партия состояла из ста двадцати дронов. Если верить документам, то все они уже в войсках. В действительности же машину с готовой продукцией на выезде из городка, в котором расположен завод, остановил патруль «Правого сектора» и конфисковал груз. Эти патриоты посчитали такой аппарат совершенно излишним для армии. Сначала украинские правоохранители думали, что они взяли дроны для своих нужд. Только недавно появилась информация, что эти изделия выплыли в Турцию. Часть беспилотников была закуплена для нужд полиции, отлавливающей с их помощью беженцев на своей границе с Сирией и лодки на морском берегу, которые по ночам перевозят этих бедолаг в Грецию. Вторая часть дронов оказалась в руках мафии, зарабатывающей на переправке беженцев в Европу. Увы, факт остается фактом. Если в зону АТО и поступили несколько беспилотников, то только к «Правому сектору». Армия официально имеет такое оборудование, в действительности же она и в глаза его не видела.

– Да, у них там все почти как у людей, – философски вздохнув, изрек могучим басом Иващенко.

– Ты считаешь, что люди только в нашей стране живут? – спросил Лесничий.

Иващенко не ответил ему, сказал свое:

– Вот чего у укропов не отнять, так это чувства юмора. Лет несколько назад поднимаюсь к себе домой по лестнице. Лифт, как обычно, не работает. На пятом этаже стоит сосед, украинец по национальности. Горилки, похоже, перебрал. Никак не может ключом в замочную скважину попасть. Я человек добрый, спросил, не помочь ли ему. Он кивнул и попросил меня дом придержать, чтобы не шатался. В таком состоянии, а шутить еще может. Вот за это я их уважаю.

Глава 2

Испытания волкодавы проводили прямо во дворе, чтобы не показать специалисту первичного обучения варианты, при которых предполагается использовать новые норвежские беспилотники. Первый дрон с широкой, похожей на бетонную лопату ладони Иващенко запустил сам Олег Константинович. Он поднял машинку в воздух, заставил ее зависнуть над головами и передал джойстик управления Виктору Юрьевичу, уже хорошо знакомому с такой работой. Разница заключалась только в управлении камерами и наличии на самом джойстике монитора, на котором можно было рассмотреть все, происходящее внизу, с высоты птичьего полета.

Суматоха тем временем держал ноутбук перед собой, устанавливал с диска, входящего в комплект поставки, программу совместимости компьютера и джойстика. Это дело много времени не заняло.

Вскоре Егор Петрович присоединил один конец кабеля к ноутбуку, а второй протянул Иващенко и буркнул:

– Подключайся.

После этого изображение тут же появилось и на мониторе.

Беспилотник был оснащен тремя видеокameraми. Картинка на мониторе делилась на три равные части. Одна камера смотрела далеко вперед, вторая тоже, но под углом в сорок пять градусов, третья была направлена строго вниз. Многоосевой гироскоп позволял рассматривать объекты с разных сторон.

– На второй камере дай увеличение, – потребовал Суматоха, всматриваясь в монитор.

Иващенко послушно выполнил это требование. Крошечный монитор джойстика не позволял толком рассмотреть изображение. Вдобавок он еще и делился на четыре окна. Три были отведены изображениям с камер, четвертое выводило технические характеристики полета дрона.

Поэтому Иващенко спросил:

– Что там?

– Командир приехал.

Монитор компьютера давал возможность с помощью вспомогательной программы использовать другой режим – просматривать изображения с камер поочередно, на свой выбор, и выводить на любую картинку полетные технические характеристики. Это не мешало оператору проявлять наблюдательность. Насчет прибытия командира Суматоха не ошибся.

Из-за угла здания и в самом деле показался микроавтобус «Фольксваген», на котором уехал в ГРУ полковник Селиверстов. Руководитель частной военной компании отправлялся туда по просьбе Суматохи, значит, он мог привезти какие-то сведения для него. Но разговаривать об этом в присутствии специалиста первичного обучения было нельзя.

Поэтому полковник просто вышел из машины и что-то сказал водителю Ринату, который сразу отъехал к крыльцу. Сам Селиверстов остановился рядом с волкодавами, задрал голову и стал рассматривать беспилотник, едва различимый в небе.

Олег Константинович даже не стал возвращаться в здание. Все бумаги на передачу дронов, которые он привез с собой, подписал полковник Самохвалов. Процесс обучения оказался недолгим и уже завершился. Ведь волкодавы имели опыт работы с куда более сложными беспилотниками, поэтому с такими вот простейшими машинками справлялись без проблем. Поэтому у специалиста первичного обучения не было никакой необходимости снова посещать кабинет Селиверстова.

Видимо, Олег Константинович и сам чувствовал, что мешает. Вероятно, он далеко не в первый раз сотрудничал с силовыми структурами и хорошо знал, что соваться в чужие дела никому не рекомендуется просто из соображений личной безопасности.

В кабинет поднялись только волкодавы с полковником Селиверстовым. Самохвалов уже находился там. Заниматься авиамodelьным спортом Виктор Никитович не планировал. Отправляться в командировку вместе с боевой группой он не намеревался. Поэтому у него не было необходимости обучаться управлению малым разведывательным дроном.

Селиверстов сразу сел на свое место посреди стола.

– Так ты, значит, Егор Петрович, тоже вчера лазил по серверу ГРУ не хуже заклятого врага? – строго спросил Георгий Игоревич хакера боевой группы.

– Никак нет, товарищ полковник! Я только отслеживал действия хакера СБУ, чтобы спугнуть его, если он сунется не туда. Позже, когда этот чайник ушел ни с чем, я чуть-чуть поинтересовался человеком, данные на которого пытался раздобыть украинский парень. Правда, ничего интересного не нашел. Даже про предыдущую службу. Спецы из ГРУ все так глубоко закопали, что без «виртуального экскаватора» не добраться. Я слышал, что такие программы уже существуют, хотя доступны они далеко не для всех. Мне такая очень даже не помешала бы.

– А что это за хреновина? – поинтересовался Лесничий. – С какой закуской такую штуку потребляют?

– «Виртуальный экскаватор» способен выкапывать с жесткого диска файлы, удаленные достаточно давно, открывать те, которые были куда-то перемещены. Если, конечно, файл хотя бы раз сохранялся на искомом носителе. Есть и еще одно условие. Это должен быть диск HDD, обычный для всех компьютеров. С диском SSD даже «виртуальный экскаватор» не справляется. Там, если что-то удалил, то это навсегда. Не восстановишь.

– Как же эти компьютерщики любят говорить о вещах, недоступных нам, простым смертным! Чтобы умнее показаться, что ли? У нас на базе какие стоят? – спросил Лесничий.

Суматоха не стал спорить с командиром боевой группы.

– У всех почти стоят HDD, не только у нас, – ответил он. – SSD в наши дни – дорогая редкость. Сейчас те богатеи, которые могут себе это позволить, ставят его вторым диском или вообще держат внешним, как я, и подключают только по необходимости. Он многократно быстрее, но цена пока еще делает погоду. Я вот все думаю, как бы мне в ГРУ выпросить «виртуальный экскаватор». Может быть, тамошние спецы снизойдут до нужд помощников низшего звена и поставят мне такую программу. Дело-то общее делаем как-никак. Что скажете, товарищ полковник? Можно с такой просьбой туда обратиться?

Тут в разговор встрял Иващенко и прогудел мрачным басом:

– Недавно слышал я одно любопытное высказывание. Мол, человек, работающий в Интернете, уподобляет себя бомжу, ковыряющемуся в помойке в надежде найти хоть что-то относительно съедобное. Порой им везет, но далеко не всегда. Вот и Суматоха не нашел то, что искал.

– Но переполох по твоей вине поднялся солидный, – не обращая внимания на слова Виктора Юрьевича, продолжил полковник, снова обращаясь к Суматохе: – Ребята из ГРУ определили не только укропа, но и тебя. Ты показался им куда более опасным, наверное, потому, что знал, куда надо заглядывать. У тебя динамический IP-адрес, поэтому спецы из разведки не знали, где искать злоумышленника. Но они приглядывали за тобой вплоть до моего приезда, даже получили официальное разрешение командования использовать для поиска спутник. Ты представляешь, какие это расходы! Ребята из ГРУ просят тебя предупреждать заранее, если ты каким-то образом выходишь на их сервер. Они хотят побеседовать с тобой по этому поводу, чтобы согласовать действия на будущее. Можешь не морщиться как кот на подоконнике при виде таблетки от глистов. Если там тебя и будут расстреливать, то уж точно не сегодня. Ты еще необходим нам всем для проведения намеченной операции. Ринат предупрежден,

машина у входа. Пропуск уже должен быть выписан. Поезжай, ждут. Дежурный по управлению проводит тебя в соответствующую службу. Долго там не задерживайся. У вас с наступлением темноты тренировка вместе с минометчиками. Отправляйся. Заодно и свой «экскаватор» можешь попытаться выпросить.

– Я недавно слышал, что прошлое человека – это файлы, которые трудно восстановить. Любопытное, мне показалось, мнение, – вставил свое слово полковник Самохвалов.

– С человеческим прошлым проще, – ответил Иващенко прежним тоном. – Для восстановления таких файлов существуют свои программы. Например, бутылка водки, выпитая в одиночестве. Иногда обнимешь ее и начнешь вспоминать все, что давно забыл. Я вот, товарищ полковник, слышал, что подсознание намеренно стирает какие-то эпизоды из памяти, чтобы человек не травмировался внутренне. Это вариант самозащиты. А водка эту блокировку снимает, как и многое другое.

Суматоха развернулся через левое плечо и вышел.

– Свое хакерское дело он сделал очень даже хорошо, – когда закрылась дверь, проговорил полковник Селиверстов. – Ребята из ГРУ считают, что Суматоха работает очень остроумно и нестандартно. Боюсь, они будут сейчас уговаривать его перейти к ним. Меня по этому вопросу спрашивали. Я доложил, что категорично против таких переводов, взял на себя смелость и заявил, что командир боевой группы тоже будет возражать.

– Да, он возражает, – вставил Лесничий, именуя себя в третьем лице.

– Главное, чтобы сам Суматоха не согласился. Иначе мы не сможем этому воспрепятствовать. Право выбора за ним. Он уже не военнослужащий.

– Он не согласится, – ответил Лесничий за своего подчиненного.

– Откуда такая уверенность? Я вот опасаюсь, что Суматоха поддастся на уговоры.

– Он не согласится, – поддержал Сергея Ильича Иващенко. – У него дух не кабинетного работника. Он спецназовец от рождения, по группе крови, жить не сможет без этого. Если даже уговорят, через неделю сбежит. Да и нас бросить, думаю, ни при каких условиях не захочет. Откажется.

– Пока нам остается только на это и надеяться, – сказал полковник и вздохнул.

В это время в кармане Селиверстова зазвонил мобильник.

Он неторопливо вытащил его, посмотрел на номер абонента, утвердительно кивнул и ответил:

– Селиверстов. Слушаю вас внимательно, Владимир Петрович.

Георгий Игоревич и в самом деле слушал внимательно, лишь изредка вставлял в монолог собеседника какие-то свои междометия. Непроизвольным слушателям совершенно невозможно было разобрать, о чем ведется разговор. При этом и сам полковник, и, видимо, его собеседник знали, что их беседу невозможно было зафиксировать. Ведь Селиверстов пользовался аппаратом, снабженным функцией кодирования. Это было известно всем волкодавам, поскольку они сами имели точно такие же телефоны, использующие программу, специально написанную для ЧВК «Волкодав» спецами из ГРУ.

Закончив разговаривать, полковник убрал аппарат назад в нагрудный карман своего кителя, посмотрел на своих людей с видом победителя и осведомился:

– Так о чем я говорил?

– Вы сказали, что Суматоха очень интересуется компьютерную службу ГРУ.

– Теперь будет интересоваться еще сильнее. Они его едва ли не гением считают.

– То есть?..

– По его предложению парни из ГРУ отследили укропских хакеров. Те и в самом деле пытались найти жену майора в отставке Святославова. Они определили адрес. Эта женщина живет в Воронеже. Сыновья у Святославова взрослые, офицеры. В настоящее время находятся по месту службы. До них укропы дотянуться не сумели. Наше командование обеспечит

прикрытие жене Святославова. Саму ее спрячет и заменит нашей сотрудницей. На квартире будет организована засада. Что это нам говорит, понятно?

– Укропы начнут работать именно по Позолоченному ватнику. У нас теперь есть конкретный адрес, куда надо выезжать.

Лесничий согласно кивнул и добавил:

– Но нам спешить пока некуда. Работать против Святославова они начнут только после того, как захватят его жену. Это однозначно.

– А ты уверен в том, что они будут ее захватывать? – осведомился Виктор Юрьевич.

– Скорее всего. Иначе хакеры не работали бы по женщине так плотно.

– А если они желают только узнать номер ее мобильного, отследить и прослушать разговоры с мужем, определить его местонахождение?

– Вполне возможный вариант, – заметил Лесничий.

– Совершенно невозможный! – возразил полковник. – В этом случае укропы просто вскрывали бы сети крупнейших сотовых операторов и искали бы номер. Взломать их не так уж и сложно.

– Возражение принимаю, – заявил Лесничий. – Согласен с предложением Иващенко. Я считаю, что нам уже пора выезжать на место, чтобы случайно не опоздать. Вытаскивать Святославова из подвалов СБУ будет несравненно труднее, чем просто защитить его там, где он служит.

– Да уж. – Иващенко покачал головой, рассматривая свои тяжелые кулаки. – Вытаскивать кого-то из камеры СБУ – опять себе руки об охранников ломать. У них головы такие крепкие, что бить приходится серьезно, себя не щадя, без всякого юмора.

– Но если мы определили предмет охоты укропов, то это значит, что первая часть операции отпадает, не так ли? – спросил полковника командир боевой группы. – Мне не хотелось бы ее отменять. Наша операция принесет Новороссии больше пользы, чем, скажем, поставка пары старых танков. Вдобавок по этому поводу прозвучала отдельная просьба со стороны СВР.

– Я тоже думаю, что у нас нет необходимости отменять операцию. Она даст большой практический эффект. – Полковник встал, указывая этим на то, что разговор окончен. – Потому продолжайте занятия, дождитесь возвращения Суматохи. Виктор Юрьевич должен отработать взаимопонимание с ним на интуитивном уровне.

Начальная часть операции, которую не желали отменять полковник Селиверстов и командир боевой группы волкодавов Лесничий, разрабатывалась как раз на тот случай, когда невозможно будет узнать, на кого начнут охоту украинские диверсионно-разведывательные группы. Именно для этого требовалось выбрать какую-то одну конкретную учебку, тщательно подготовиться.

Потом волкодавы должны были провести быструю и скрытную акцию по уничтожению небольшого предприятия, производящего по норвежской лицензии разведывательные дроны. Его расположение давно было известно им. У них имелись даже кадры спутниковой съемки, на основании которых составлялся план нападения на завод.

После выполнения задания волкодавы немедленно уйдут и затаятся. Эта работа официально будет записана на счет какой-либо местной диверсионно-разведывательной группы, что существенно поднимет статус батальона, в состав которого она входит. Тогда украинцы направят свой ответный удар именно на это подразделение. Волкодавы вынудят противника атаковать там, где ополченцы будут готовы к радушной встрече дорогих гостей.

Волкодавам в принципе было безразлично, кого из инструкторов выбрать на роль такой вот приманки, мнимой жертвы. При этом они ничего не имели и против отставного майора по прозвищу Позолоченный ватник. Если в СБУ уже остановились на его кандидатуре, то волкодавам оставалось только подтвердить правильность такого решения своими собственными

действиями. Бойцы ЧВК не только решают основную задачу, поставленную перед ними, но и принесут значительную практическую помощь защитникам Новороссии.

Наличие таких малозаметных беспилотников позволило бы украинским военным получить преимущество хотя бы в деле корректировки артиллерийского огня. Уже одно это очень даже немаловажно. Но дрон способен и на многое другое. Поэтому действия волкодавов должны найти полную поддержку ополчения.

Именно в ходе этой операции и предполагалось использовать бесшумные минометы. Сложность состояла в том, что стрелять придется, во-первых, в темноте, во-вторых, предельно ограниченное количество раз, в-третьих, с минимальной дистанции. Последнее обстоятельство могло оказаться опасным и для самих волкодавов, окажись у противника снайперы, оснащенные ночными прицелами.

Но все эти моменты просчитывались и отрабатывались очень тщательно, а риска такие проверенные бойцы не боялись. Им важно было не показать себя.

Пусть укропы считают, что предприятие по производству дронов было атаковано диверсионно-разведывательными группами ополчения. Причем именно теми, которые готовил Позолоченный ватник. Для этого требовалось обеспечить мнимую утечку информации уже из батальона.

Чтобы дать укропам конкретный след, необходимо будет довести до их сведения, что на вооружение ДРГ ополчения поступили легкие бесшумные минометы, которые относятся к числу переносимых. Для их транспортирования не нужны автомобили. Каждый из них обслуживается всего-то парой бойцов. При необходимости с этим оружием сможет справиться и один человек. Главное, чтобы ему вовремя доставляли мины.

Само уничтожение завода тоже вызывало весьма обоснованные сомнения, которые требовалось разрешить. Спутниковые карты не давали возможности определить, какие перекрытия имеет производственный корпус, в котором собирались дроны. Волкодавы предполагали, что кровля может быть построена из обычных железобетонных пустотных плит. Требовалось подобрать подходящую мину, которая сможет пробить такое перекрытие.

Зато со складским помещением подобных проблем не возникало. Оно представляло собой простой ангар из так называемого сэндвича – двух профилированных стальных листов, не отличающихся особой прочностью, и наполнителя-утеплителя между ними. Для этого чаще всего используется строительная пена, при застывании превращающаяся в плотный пенопласт.

Самая простая мина запросто проломит такой вот сэндвич. Проблема состояла в том, чтобы вторая мина с термобарическим зарядом угодила именно в отверстие, проломленное первой.

Добиться этого совсем не просто. Две мины, посланные из одного ствола, никогда не лягут в одно и то же место. Причина в том, что ствол при произведении выстрела просто не в состоянии остаться на прежнем месте. Значит, его требуется устанавливать заново, опять прицеливаться.

Но даже самые точные современные приборы не всегда позволяют повторить предыдущий выстрел. Конечно, есть спецы, которые умеют класть мины одну на другую. Но в группе волкодавов таковых, к сожалению, не имелось.

У руководства ЧВК возникла мысль использовать артиллерийский бронебойный термобарический снаряд. Он сначала пробивает броню танка, боевой машины пехоты или БТРа. Потом термобарический заряд выжигает и оплавляет изнутри пораженную машину настолько, что она чаще всего не подлежит восстановлению.

Но промышленники решили, что сделать такую мину в короткие сроки слишком сложно. Они обещали попробовать, но не гарантировали, что успеют вовремя. Им и без того следовало приспособить к мине термобарический заряд. Промышленникам казалось, что сделать

это будет несравненно проще, чем совмещать воздействие высокой температуры с бронебойностью.

Оставалась надежда на удачную стрельбу из двух минометов по одной точке после тщательного наведения. Но эти действия следовало отработать до мельчайших деталей.

Профессиональные армейские минометчики свысока поглядывали на посторонних личностей, которые только обучались их искусству. Они уверенно говорили, что подобные выстрелы могут быть только случайностью.

Но специалисты, разработчики оружия и прицелов к нему, утверждали, что при идеальных расчетах подобная стрельба возможна. Здесь помогут современные измерительные приборы. Они учили волкодавов производить эти точные расчеты, которыми профессиональные минометчики в пылу и в торопливости боя обычно пренебрегают, предпочитают производить вычисления на глазок.

Хотя те же специалисты по прицельным устройствам предупреждали, что может потребоваться предварительная пристрелка и корректировка огня. Все опять же зависит от той же точности произведенных расчетов.

При невозможности подготовить бронебойную термобарическую мину волкодавам в любом случае следовало пользоваться тем, что имелось в наличии. Вопрос оставался открытым.

Поэтому на ночные стрельбы выехали все сотрудники ЧВК «Волкодав». Правда, они прихватили с собой только один дрон, поскольку оператор второго уехал в ГРУ и еще не вернулся. Эта миниатюрная машинка должна была помочь отработать корректировку стрельбы.

Волкодавы выехали, как только наступила темнота. Она в начале осени всегда торопится, стремится наступать со скоростью света. Но на полигон бойцы приехали как раз вовремя.

Автокран только-только закончил смену мишени после дневных стрельб. Стропальщик цеплял крюки за крепления в бампере машины. Он уже собрал в кузов самосвала остатки одной пустотной плиты перекрытия, почти полностью разбитой прямыми попаданиями мин. Пять минут назад куски бетона висели на обнаженной арматуре, но и она была частично порвана разрывами. На место этой плиты автокран уложил новую, стандартную по размеру.

Два минометных расчета уже были на боевой позиции. Первый состоял из Кравченко и Редьки. Они часто работали парой, поэтому прекрасно понимали друг друга.

Во второй входили бывшие лейтенанты Величко и Редкозуб. Первый числился в боевой группе официальным снайпером, второй – сапером. Объединение двух военных профессий, казалось бы, малосовместимых, породило многообещающую пару минометчиков. Величко виртуозно умел настроить оптический прицел. Редкозуб тщательно подходил к выполнению любой работы. Все это давало свои плоды, и эта пара стабильно оказывалась лучшей.

По крайней мере, результаты предварительных стрельб этого расчета удивляли даже седого капитана, командира минометной батареи, используемого в качестве консультанта. Этот офицер был не старше Лесниченко, но на его голове не осталось ни одного темного волоса. Ряды орденских планок на кителе давали возможность предположить, что эта седина не является естественной, наследственной чертой. Сергей Ильич сразу понял, что в качестве консультанта им выделили опытного вояку, который хорошо знал возможности своего оружия и умел стрелять из него. К мнению такого человека следовало прислушаться.

Мишень была выставлена автокраном, который тут же и уехал вместе со строительным самосвалом. Наблюдать за стрельбами водителей никто не приглашал, да и сам этот процесс не вызывал у них никакого интереса. Они предпочитали побережь свои уши.

Бывало, что пролетарии наблюдали, как волкодавы проводят занятия по рукопашному бою. Все остальное их интересовало мало, поскольку не несло зрелищности. Такова работа спецназовцев: минимум внешнего эффекта должен давать максимальный результат.

Иногда, правда, водители смотрели, как волкодавы проходят полосу разведчика. Надо сказать, что она многократно усложнена в сравнении с общеармейской полосой препятствий. Как правило, в нее включаются те или иные особенности, которые могут пригодиться спецназу при выполнении каких-то конкретных заданий. Так, когда бойцы готовятся к командировке на Северный Кавказ, полоса разведчика часто имеет самодельную неровную стену – тренажер для скалолазов, обычно называемый скалодромом.

Если раньше на полосе разведчика чаще всего можно было встретить стационарные неподвижные сооружения, то теперь им на смену приходят современные компактные стены с выступами. Они «натянуты» овальным кольцом, под весом тела прокручиваются на специальных барабанах и постоянно уходят вниз, что позволяет усложнять тренировки и увеличивать дистанцию до пределов человеческих сил. На современных тренажерах можно выставлять различный уровень наклона стены, вплоть до отрицательного.

Подготовка к работе в лесистой местности обычно требует развития умения взбираться на деревья. Поэтому на полосу ставятся стволы с торчащими ветвями. Некоторые из них иногда специально подпиливаются так, чтобы разведчик при тренировке научился выбирать только те ветви, которые его выдержат.

Поэтому простое тренировочное прохождение полосы разведчика часто выливается в весьма интересное зрелищное мероприятие.

Повторить такие номера за волкодавами никто из зрителей не рвался. Не пытались они и попробовать себя в рукопашке. Правда, Лесничий видел однажды, как один вот любопытный пролетарий пытался задать несколько вопросов Величко.

Тот улыбнулся, наотрез отказался показать свои удары и пояснил:

– Нас учили не драться, а убивать. Вот я тебе сейчас что-то покажу, а ты потом кого-то прикончишь на улице. Кто виноват будет?

Сергей Ильич лучше других знал, насколько прав снайпер боевой группы. Величко был носителем стиля «ядовитой руки», который до сих пор засекречен даже в Китае, где он зародился и выделился в самостоятельную линию из направления тай-чи. Спортсменов этому не обучают, чтобы они не изуродовали друг друга.

Лесничий сам владел схожим стилем, основанным на нанесении ударов нгивара – парными палочками из твердых пород дерева – по нервным узлам. Только вот мастера стиля «ядовитой руки» работают кончиками пальцев. Они в отличие от нгивара у человека всегда с собой. Хотя эти пальцы требуется несколько лет набивать для обретения ими жесткости дерева. Одно другого стоит. Люди с улицы не должны владеть ни тем ни другим.

– Кто первым стреляет? – поинтересовался полковник Селиверстов. – Пора начинать.

– Минутку, товарищ полковник! – возразил капитан-минометчик, поднимая руку, чтобы привлечь к себе внимание. – С этой позиции оба расчета уже стреляли днем и примерно помнят условия. Теперь надо поработать с новой позиции, уйти в сторону хотя бы на десяток метров.

– Кравченко, присмотри площадку в стороне! – без всяких возражений распорядился Сергей Ильич.

Кравченко без разговоров надел на голову шлем от экипировки «Ратник», обеспечивающий связь как внутри группы, так и в куда более широких масштабах, вплоть до штаба базы волкодавов. Потом он шагнул в темноту, желая отыскать место, где можно установить минометы «Галл» неподалеку один от другого.

Карта спутниковой съемки, уже хорошо изученная всеми, кому предстояло работать в тех местах, показывала, что в нескольких сотнях метров от производственного корпуса располагается холм, через который и придется вести обстрел. Потому волкодавы нашли на своем полигоне бугор примерно такой же высоты и даже подогнали экскаватор, чтобы он на пару метров приподнял вершину. Все это было выполнено еще неделю назад, когда встал вопрос о новой командировке.

Капитан-минометчик, разумеется, не знал, в каких условиях придется работать его подопечным. Но он постоянно заставлял расчеты менять позицию, пытался добиться от них умения правильно выставить прицел для первых же выстрелов. Такие занятия давали свои положительные результаты.

В обычном бою минометы стреляют, как правило, по площадям. Они накрывают живую силу противника или не позволяют ей продвинуться туда, куда ее никак нельзя пускать. При этом не играет большой роли, где именно произошел разрыв мины, в какой-то конкретной точке или же в двадцати метрах в стороне от нее.

Но в данном случае расчетам требовалось сделать всего несколько выстрелов, при этом предельно точных, и покинуть позицию, не показывая себя противнику. Руководители ЧВК все это объяснили капитану. Поэтому он так тщательно отработывал стрельбу.

– Есть позиция! – сообщил Кравченко. – Только чуть-чуть подровнять нужно. Помощники с лопатами, ко мне!

Поскольку у капитана-минометчика не было шлема, как у других, он не слышал сообщения, но не удивился, когда оба расчета бегом устремились в ту сторону, куда ушел Кравченко. Они сразу же, видимо, начали ровнять площадку, потому что чуткие микрофоны донесли до остальных волкодавов слегка затрудненное дыхание минометчиков.

Вообще-то все они были людьми с тренированными легкими. Не зря каждое утро у волкодавов начиналось с длительной пробежки, порой даже в полной боевой амуниции, вес которой приближается к тридцати килограммам. Тем не менее копание земли, производимое в высоком темпе, обязательно сбивает дыхание. Микрофон такое затруднение улавливает без проблем.

Расчеты вернулись на прежнюю позицию уже через пять минут. Теперь требовалось перенести на новое место сами «Галлы» и мины к ним. Остальные волкодавы не помогали расчетам, а просто двинулись вслед за ними.

Иващенко уже приготовил свой легкий БПЛА и в любой момент мог запустить его в воздух. На большой ладони бывшего старшего лейтенанта спецназа ГРУ аккуратный дрон выглядел хрупкой игрушкой. Пальцы волкодава могли бы запросто смять его как бумажную птицу.

Все, кто приехал на полигон, перешли на новую площадку вслед за минометчиками, которые уже перенесли туда свои орудия. Эта позиция располагалась ниже, чем прежняя, по уровню и была меньше по площади, хотя «Галлы» там помещались свободно и друг другу не мешали.

При перемещении, естественно, нарушилась не только сама линия огня, но еще и дистанция, что требовало новых тщательных расчетов. Именно для того чтобы волкодавы набили руку на таких вычислениях, капитан-минометчик и требовал постоянно менять позиции. Такой подход к делу одобрялся командиром боевой группы, да и руководством всей ЧВК.

До вершины насыпного холма, через который и предполагалось стрелять, было около пятидесяти метров. Редька и Редкозуб бегом поднялись на нее вместе с приборами, необходимыми им для измерений. При этом ни тот, ни другой не сбили себе дыхание. Микрофоны работали в нормальном режиме, не раздражали ничьи уши ненужным хрипом.

Общение между вторыми номерами расчетов на вершине и первыми у минометов осуществлялось через системный коммуникатор «Стрелец», уложенный в нагрудный карман камуфлированной куртки, посредством микрофонов и наушников в шлемах.

Капитану-минометчику опять ничего не было слышно. Но он уже давно завершил процесс обучения волкодавов, к текущему моменту выполнял только роль оценщика и наблюдателя, лишь изредка выдавал советы. Но во время настраивания прицелов за консультацией к нему никто не обратился, и потому сам капитан даже ни разу не вмешался в ход этой работы.

Как раз в это время полковнику Селиверстову кто-то позвонил на аппарат кодированной связи.

– Слушаю тебя, Егор Петрович. Ты возвращаешься или там навсегда остаешься?

Что отвечал полковнику Суматоха, волкодавам было не слышно. Но Селиверстов выглядел довольным. Это наверняка означало, что хакер не принял приглашение на переход в головное управление.

О чем шел разговор дальше, предположить было трудно, поскольку слышны были только слова Селиверстова:

– Понял. Да. Договаривайся. Ты же в курсе дел. Не могу даже предположить. Так и скажи, что сроки пока не определены. Хорошо. Возвращайся. Иващенко пока один с дроном справляется. Не переживай. Он у нас человек толковый. – Полковник завершил разговор, убрал аппарат в чехол и повернулся к минометчикам.

Подсчеты и неторопливая настройка прицелов заняли около двух минут, может быть, чуть больше. Все-таки работали не настоящие профессионалы. Вдобавок у волкодавов пока не было особой необходимости спешить.

Ясно, что прицелы настраивались не одинаково и вычисления велись не совместно. Ведь между минометами была дистанция в добрый десяток шагов, хотя стрелять они должны были в одну и ту же точку. Первые номера того и другого расчета завершили дело одновременно и посмотрели друг на друга.

Иващенко, наблюдая за ними, выставил на склон свой БПЛА и взял в руки пульт управления. Через секунду беспилотник стремительно и почти беззвучно устремился вверх и в сторону. Иващенко присел перед раскрытым, уже подготовленным ноутбуком и соединил его с пультом, с которого и управлял полетом. Так ему было удобнее.

– Птичка набрала высоту. Можете начинать.

Глава 3

Аркадию Валерьевичу Святославу позвонил комбат Ржавый и пригласил его к себе в штаб. Вообще-то дело обычное. Святослав виделся с Ржавым достаточно часто. Тот постоянно сам приезжал в учебку, чтобы спросить, как обстоят дела по подготовке ДРГ. В последнее время, с наступлением шаткого перемирия, у комбата появилось хоть какое-то свободное время. Теперь он занимался подготовкой бойцов батальона больше, чем прежде.

Как говорится, работа на будущее. В ополчении все понимали, что перемирием дело не закончится, сколько бы оно ни длилось. Завтра грянут новые бои, к которым необходимо тщательно подготовиться, пока есть такая возможность. Все желали, чтобы перемирие длилось дольше, но прекрасно понимали, что фашисты, занимающие противоположную сторону линии фронта, сами успокоиться не захотят. Значит, стоит ждать от них любых гадостей.

Дорога до штаба была не такая уж и длинная. Поэтому отставной майор не стал заводить маленький корейский грузовичок, выделенный командованием батальона на его учебку, а пошел пешком.

Аркадий Валерьевич вообще любил двигаться и считал, что в последнее время заниматься этим ему приходилось мало. Разумеется, он не пропускал ни одну пробежку с курсантами, разминался с ними каждое утро. Все остальное время отставной майор находился, как он сам говорил по армейской привычке, в расположении, то есть на территории учебки.

Святослав проводил занятия или решал всякие хозяйственные вопросы, которые не на кого было перекинуть. Инструкторов-помощников у него в распоряжении было мало, только по снайперскому делу и связи. Они, конечно, по мере сил помогали, когда были свободны от занятий. Но основная нагрузка ложилась на самого отставного майора.

Он слишком часто, как ему казалось, занимался всякими бумагами. Поэтому если была возможность пройтись пешком, то Святослав делал это с удовольствием.

По непонятной Аркадию Валерьевичу причине два дня назад комбат отдал приказ значительно усилить охранение в учебке. Он прислал девять бойцов, которых пришлось расположить вместе с курсантами. Эти ополченцы, сменяя друг друга, по тройкам несли дежурство днем и ночью.

На вопросительный взгляд Святослава Ржавый тогда ответил коротким пожатием плеч и одним словом:

– Приказали.

Комбат вообще был немногословным и конкретным человеком, внешне даже мягким и вдумчивым. Хотя первое из этих впечатлений являлось обманчивым. Ржавый всегда мог отдать жесткий приказ. Так, например, за время пребывания Святослава в батальоне он дважды приказывал расстрелять своих бойцов, задержанных за мародерство.

Вдумчивость – необходимое качество человека, занимающего военную командную должность. Она всегда предполагает умение делать анализ.

У Ржавого с этим затруднений не было. Он, конечно же, иной раз и допускал ошибки, но никогда не повторял их.

При этом Ржавый, хохол по крови, был, как и полагалось представителю этой нации, человеком хитрым. По выражению лица не всегда можно было понять, что у него на уме.

Аркадий Валерьевич не однажды наблюдал, что к приказам сверху комбат относился по-разному. Если находил нужным, то выполнял. Когда считал бесполезным для батальона, придумывал обстоятельства, которые не позволяли поступить так, как велело начальство.

В случае с дополнительной охраной Ржавый не стал ничего придумывать. Значит, посчитал нужным выполнить приказ. Только вот он не стал объяснять Святославу то, что, веро-

ятно, знал. Три тройки ополченцев приступили к выполнению поставленной задачи. При этом и сами курсанты продолжали нести охранение точно так же, как и раньше.

Вообще-то Святославов считал, что он сам и его девять курсантов в состоянии не только за себя постоять, но и само село прикрыть. Учебка располагалась с самого его края. Он считался безопасным, поскольку уходил на территорию, подконтрольную войскам ДНР, которые с недавних пор стали официально называться армией.

А там, где есть армия, в наличии и воинские звания. Так, Святославов снова стал носить погоны, точно такие же, какие были на плечах и у самого комбата Ржавого. Если говорить по большому счету, то, отправляясь в штаб, майор Святославов мог бы просто приказать дополнительной охране остаться на базе. Но он понимал, что, видимо, был приказ его всюду сопровождать. Бойцам следует выполнять распоряжение командования даже в селе, занятом батальоном ополчения, где вроде бы обычно бывает безопасно.

Как человек, всю свою сознательную жизнь связанный с армией, Аркадий Валерьевич чужие приказы уважал точно так же, как свои.

Если трое бойцов пошли с ним в штаб, значит, так им было велено. Святославов не возразил, хотя время было относительно спокойное.

Перемирие на их участке фронта поддерживалось, и эксцессов почти не наблюдалось. Разве что изредка какая-то пьяная неприцельная автоматная очередь прозвучит. Или мина, посланная непонятно откуда и зачем, громыхнет где-то в стороне от села. Такие мелочи настроения никому не портили.

Однако даже во время перемирия разведывательно-диверсионные группы с той и с другой стороны продолжали работать интенсивно. Если с противоположного края села лицом к противнику стоял блокпост, основательно укрепленный бетоном, то с той стороны, где располагалась учебка, ничего подобного не было.

Святославов, сам опытный диверсант, отлично понимал, что если укропы в село и пойдут, то, естественно, выберут маршрут с большим обхватом, двинутся по кругу, так, чтобы зайти на улицы со стороны мирной территории. Поэтому на опасность махать рукой было нельзя, и осторожность соблюдать требовалось. Тем более если она предписана приказом.

Шел Аркадий Валерьевич, можно сказать, стремительно, как и всегда, поэтому до штаба батальона добрался быстро. Трое бойцов, сопровождающих его, курили на ходу, чего никогда не допускается делать обычным солдатам, и потому слегка отстали. Они знали, что майор не переносит табачного запаха, и относились к этому с пониманием.

Святославов вообще не брал курящих людей к себе в учебку, хотя многие просились. И не только потому, что такой субъект начинает шумно дышать на маршруте и не всегда выдерживает требуемый темп. Причина отказов состояла еще и в том, что от курящего человека исходит особый запах. Аркадий Валерьевич легко выделял его среди великого множества других. Тут его невозможно было обмануть.

Святославов прекрасно понимал, что люди с таким же нюхом, ищейки, могут оказаться и среди укропов. Поэтому он безжалостно отсеивал курящих парней при наборе курсантов. Запах табака в разведывательно-диверсионной деятельности неприемлем. Он в состоянии выдать засаду и подставить бойцов под обстрел.

Часовой, стоявший у двери кабинета комбата, попросил Святославова подождать. Ржавый был занят. Но сидеть на стуле визитеру пришлось недолго. Уже через три минуты дверь раскрылась, и из кабинета стали выходить офицеры. Они уважительно здоровались с майором, пожимали ему руку.

– Аркадий Вячеславович, а правду говорят, что ваши бойцы учились рыть окопы и выкопали яйцо динозавра? – спросил разбитной старший лейтенант, считавший, видимо, что сказал какую-то остроумность.

Вообще-то это была шутка самого Святославова. Когда ему надоели вопросами о том, зачем он так часто заставляет своих курсантов лопаткой работать, Позолоченный ватник серьезно и простодушно ответил: «Здесь, говорят, когда-то выкапывали яйца динозавров. Вот и мы ищем. Представляешь, какая яичница из одного такого получится!»

Шутка облетела весь батальон. Этот вот юморист выдал ее даже здесь, в штабе. Он наверняка заранее подготовил какую-то издевку.

– Не совсем так. Ребята не окопы рыли, а учились маскировать блиндаж и откопали яйцо.

– А что дальше копать не стали? – Старший лейтенант явно уже готовился расхохотаться майору в лицо.

– Побоялись.

– Чего?

– Всего динозавра вырыть. Целиком.

Теперь захохотали все. Один старший лейтенант стоял растерянный, не знающий, что и сказать. Он понимал, что смеялись и над ним тоже.

Ржавый выглянул на хохот из кабинета, осмотрел всех, увидел Святославова и сказал:

– Прибыл, Аркадий Валерьевич, вот и хорошо. Заходи.

Кроме комбата в кабинете находились еще четыре офицера, среди них и начальник батальонной разведки. Он носил капитанские погоны, хотя и был прямым командиром майора Святославова.

– Аркадий Валерьевич, забыл тебя сразу предупредить, чтобы на машине приехал. Ты пешком?

– Да, я люблю прогуляться.

– Тебе необходимо съездить в Донецк и кое-что получить там для своих парней. Кстати, ты сам как с минометами? Надеюсь, на «ты»?

– Стрелять доводилось, но не больше. Похвастаться особыми навыками никак не могу. Плохо стрелял. Скажу откровенно.

– Ладно. Это вопрос решаемый. Найдем инструктора. Знаешь такой миномет – 2Б25 «Галл»?

– Я дело имел только с «Подносом». «Галл», насколько мне известно, продемонстрировали только в две тысячи одиннадцатом, когда я уже устал быть отставником. Даже не знаю, приняли его на вооружение или нет. Наверное, взяли, раз мне задан этот вопрос.

– Но ты в целом имеешь представление о таком оружии?

– Конечно. «Галл», как и все прочие беззвучные штуковины, создавался и затачивался под спецназ.

– Но и в войсках он был бы хорош, – добавил начальник разведки.

– Нам бы в Афгане такие минометы. Скольких потерь удалось бы избежать, – мечтательно проговорил Святославов.

Офицеры штаба, находившиеся в кабинете, пододвинулись ближе, ожидая каких-то рассказов о легендарных боях спецназа. Но майор Святославов и по сию пору оставался военным разведчиком. Он прекрасно умел держать язык за зубами и в воспоминания не ударился.

– Так вот, на твоих подопечных выделили пару беззвучных минометов «Галл». Наверху надеются, что ты сумеешь их подготовить к какой-нибудь серьезной операции с применением этой штуки. Это не испытания. Техника сама по себе давно уже проверена. Не откажешься?

– От ящика водки я бы, честно говоря, отказался, поскольку сам не пью и другим не советую. А от минометов только пьяный откажется, если вдруг их пропить не удастся. Да и то не от таких. Беда в одном – сам я курсантов обучить хорошей стрельбе не сумею. У меня опыта в этом деле не хватает, – честно признался Аркадий Валерьевич.

Эти слова не обескуражили комбата.

– Инструктора я тебе найду. Из своих минометчиков выделю. У меня есть опытные парни, толковые, которые объяснить и показать смогут.

– Вот и отлично. Что от меня требуется?

– Только в Донецк съездить и получить минометы. Доверенность от батальона я тебе выписал. Сможешь? Найдешь время?

– Если надо, без разговоров.

– Добро. – Комбат залез в верхний ящик стола, вытащил сложенный вдвое листок коричневатой бумаги и протянул Святославу.

Тот развернул листок стандартного бланка доверенности, на котором крупными печатными буквами поверх типографского шрифта было написано фломастером:

«Это проверка офицеров, которые находятся в кабинете. Ищем крота. Продолжай игру».

– Все понял. Сегодня же отправлюсь. Как лучше, в день или в ночь? – Святослав без проблем понял ситуацию и правильно среагировал на нее.

– Как тебе удобнее, так и поезжай. Только мне перед отъездом позвони, чтобы я в курсе был. Хотя тут есть проблема. Не гарантирую, что сможешь дозвониться. У нас со связью творится что-то непонятное. Я только тебя и смог выцепить. После этого связь как обрезало. Ни один мобильник не работает. Наверное, что-нибудь на вышке произошло. Она ведь у укропов стоит, на их стороне. Проверить никак нельзя.

Святослав понял, что отсутствие связи тоже, скорее всего, было элементом игры.

– Хорошо. Я посмотрю, что там у меня с занятиями, какие-то перенесу, другие отменю, создам окно в расписании, а потом и поеду, – пообещал Святослав. – Это же только туда и обратно. Нет проблем. Так я пошел?

– Иди.

Аркадий Валерьевич вышел и заметил неподалеку от штаба кунг армейского образца с мощными развернутыми антеннами. Он хорошо знал, что это такое. Обычная «глушилка», которая перебивает работу всех электронных устройств, но очень даже мощная. Значит, Ржавому нужно, чтобы какое-то время не было связи. А потом, когда она появится, эта самая машина перейдет в другой режим работы. Может быть, к ней подключится другая, оснащенная аппаратурой, необходимой для такого случая. Ее экипаж и прослушает звонки с нужных номеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.